

ХЕНОБОСКИОНСКАЯ НАХОДКА

1

В истории этого открытия несколько исходных дат. Начнем с поездки французского ученого Жана Доресса в Каир в сентябре 1947 года.

По поручению Археологического института Доресс должен был заняться изучением древних коптских монастырей в Египте. Однако вспыхнувшая в это время эпидемия холеры и установление карантина помешали ему. Застрыв надолго в Каире, он стал знакомиться с коллекциями здешнего Коптского музея.

Однажды директор этого музея Того Мина, большой специалист по христианским древностям в Египте, вытащил из ящика письменного стола объемистый пакет и показал француз. В пакете, в мягкой кожаной обложке лежали потемневшие от времени страницы папируса, покрытые крупными красивыми коптскими письменами. После того как перепутанные страницы были приведены в порядок, стало возможным сделать первые оценки. Оказалось, что в обложке заключены пять древних гностических произведений, частично известных по сохранившимся фрагментам и цитатам в произведениях христианских авторов, а частично встреченных впервые. По палеографическим признакам их отнесли к III—IV векам нашей эры.

Особый энтузиазм Доресса был вызван тем фактом, что два из найденных произведений оказались новыми вариантами гностических манускриптов, которые вот уже 50 лет лежали в Берлинском музее, но так и не были еще изданы, ввиду встретившихся при расшифровке трудностей. Новые рукописи открывали возможности восполнения пробелов берлинского варианта и выяснения непонятных мест.

Каирскому и французскому ученым с самого начала стало ясно, что в их руках ценнейшая находка. Но, как всегда, когда находки такого рода

попадают к ученым через случайных добытчиков, возникло множество почти неразрешимых вопросов. Где и при каких обстоятельствах были найдены эти рукописи? Вся ли находка целиком попала в Коптский музей? Из истории открытий известно, что во многих случаях находки разменивают по частям. Как же обстояло дело в этом случае?

Местные антиквары, у одного из которых Того Мина купил кожаную обложку с папирусами, стремились всячески запутать поиски: толкали ученых на ложный след, сообщали заведомую неправду. Тем не менее, опросив множество людей, исследователи набрали на местоположение находки. Затем при случайных обстоятельствах они узнали о существовании других ее частей и в конце концов ознакомились с ними. Оказалось, что папирусы были извлечены из земли еще в 1945 или 1946 году. Место находки — Верхний Египет; район — в нескольких сотнях километров ниже Луксора, близ нынешней деревни Наг-Хамади. По одной версии, крестьяне, набредшие на эту находку, одну часть папирусов использовали в качестве топлива, другую продали за бесценок торговцам, отвезшим ее в Каир.

Дальнейшие приключения этих папирусов не поддаются точному раскрытию. Известно лишь, что три из них были предложены каирскими антикварами некоему «эрудиту» всего за 110 египетских фунтов. Однако тот отклонил предложение, сочтя рукописи не заслуживающими внимания. Другие довольно долго лежали где-то припрятанными. Сложная политическая обстановка тех лет затрудняла приобретение Коптским музеем выявленных рукописей. Возникла реальная опасность, что они ускользнут за пределы Египта. Изучение их и тем более издание было невозможно. «Над рукописями как будто тяготело проклятие, — замечает Жан Доресс, — то самое проклятие, которое со страниц этих гностических произведений было ад-

ресовано каждому непосвященному, пытающемуся проникнуть в их тайны».

В конце концов группа рукописей, заключенная в общем переплете (один кодекс), была продана неким каирским антикваром в Швейцарию — в Цюрихский институт Юнга. 12 других кодексов стали собственностью Коптского музея в Каире.

Для понимания характера находки было важно выяснить, в какую эпоху и с какой целью эта гностическая библиотека была запрятана.

Предпринятые для этого поиски не носили характера планомерных археологических раскопок. Исследователи ограничились лишь осмотром местности, расспросом очевидцев и некоторыми сведениями, почерпнутыми из древних авторов. Судя по всему, те, кому в древности принадлежали папирусы, уложили их в глиняный сосуд и захоронили его в могиле на древнем кладбище античного поселения Хенобоскион, вне пределов территории христианских монастырей. Известно, что появившиеся в этих местах в IV веке нашей эры монастыри сделались цитаделями христианской ортодоксии и вели яростную борьбу против инакомыслящих. Опасными еретиками в числе других считались гностики, которым, в частности, инкриминировалось, что они, сочиняя еретические книги, именуют их священными и противопоставляют «священному писанию» ортодоксальной церкви.

Все это побудило некоторых исследователей усмотреть в хенобоскионской библиотеке и обстоятельствах ее укрытия живой и непосредственный сколок борьбы христианства с гностицизмом. Перед угрозой уничтожения своих священных книг, некая гностическая секта не нашла для них более безопасного места, чем древнее античное кладбище. Это, по-видимому, имело место в V веке нашей эры.

Заключительным штрихом к истории хенобоскионской находки может явиться отклик, который она встретила в мировой печати. Египетская пресса, привыкшая к сенсационным открытиям, едва откликнулась на эту находку в начале 1948 года краткой и бесцветной заметкой. Довольно сухо представила это открытие и парижская газета «Монд». Вот заметка, опубликованная там 23 февраля 1948 года. «Открытие папируса IV века. Академия надписей получила информацию о недавнем открытии в Египте сборника папирусов в 152 страницы, датированного IV в. н. э. Он содержит в коптском переводе 5 неизданных гностических книг. Он сообщает интересные сведения о некоторых верованиях этого периода».

В последующие годы, когда стало известно о существовании других рукописей хенобоскионской библиотеки,

сообщения об этом появились в некоторых французских, английских и американских изданиях. Однако это были единичные скупые заметки. В то время как поток сенсационных статей и книг, посвященных кумранским открытиям, нарастал, подобно снежной лавине, хенобоскионская находка оставалась почти незамеченной широкой читающей публикой. И лишь в последние годы ряд публикаций и монографических исследований предоставил хенобоскионским рукописям место, которое они по праву должны занимать.

2

Итак, в результате сложных поисков и значительных усилий замечательная древняя библиотека — 13 гностических кодексов — становится достоянием науки и читающей публики.

Чем же примечательны эти находки?

Археологические открытия всегда привлекали к себе романтикой поиска, новизной и часто неожиданностью открываемых материалов. Эти материалы — нелицеприятные свидетели минувших событий. Они не поддаются ни давлению, ни уговорам. И, вглядываясь в них, человек не только познает свое прошлое, но начинает лучше понимать и настоящее.

Как мы уже говорили, рукописи написаны на коптском языке — одном из поздних вариантов древнеегипетского. Ученые в общем довольно скоро распознали в них таинственные произведения гностиков — книги, создававшиеся еще во II веке нашей эры.

Здесь, пожалуй, будет уместно коснуться самого названия — «гностики», названия, которым обозначались приверженцы религиозно-философского течения, захлестнувшего древнее общество на рубеже новой эры.

Название этого учения происходит от греческого слова «гносис» — «знание», и в нем в известной мере отразилось извечное стремление человека постигнуть причинно-следственные связи явлений и событий, влияющих на его жизнь.

Нет нужды говорить, что столбовая дорога этого извечного стремления человечества окаймлена множеством ложных тропинок и путей и гностицизм — одна из таких иллюзорных и боковых дорожек. Тем не менее значение его в истории общественной мысли прошлого довольно существенно.

Гностики пытались построить свою космогонию и космологию. Их глубоко занимали вопросы этические. И венцом их мировоззрения были поиски путей спасения личности, искупления зла, которое творится по отношению к человеку и которое творит он сам.

Развитие рабовладельческих отношений, крушение демократических устоев, борьба за власть между сильными мира сего, войны и завоевания — все это делало жизнь отдельного человека неуверенной и ненадежной, подвергало ее всем случайностям бесправия, и общественная мысль разными путями искала ответа на общий вопрос: в чем причина всех этих неустойчивостей и несовершенств мира? Как прийти к миру совершенному?

В этой статье, разумеется, не могут быть рассмотрены все идейные построения той эпохи. Можно лишь заметить, что ответы эти были очень различны. В одних случаях они находили выражение в форме восстаний или гражданского неповиновения, в форме попыток социальных и политических переворотов. В других — в виде бегства от жизни, ухода в мистику, погружения в религиозные поиски.

Все эти вопросы широко разрабатывались и многочисленными направлениями гностиков. Каково происхождение Вселенной, мира и всего, что в мире? В каком отношении друг к другу стоят дух и материя? В чем причина и корень зла, господствующего в мире, и в частности зла социального?

Примером разработки последнего вопроса может служить учение гностика Епифана, обосновывавшего вполне земные требования социальной справедливости — «общности и равенства» — чисто космическими аргументами. Небо, говорил он, облегает всю Землю. Солнце изливает свет одинаково на всех. Оно не делает различия для богатого и бедного, для правителя и народа, для неразумных и разумных, для свободных и рабов. В этом поведении солнца виден высший, «божественный», принцип справедливости. Никто не может отнять свет у ближнего, чтобы получить больше, чтобы самому иметь его вдвойне. Но люди нарушают этот божественный закон, по которому виноградник, и хлеб, и плоды принадлежат всем. И люди, чтобы восстановить естественные законы справедливости, прибегли к воровству.

Хотя термин «гностик» происходит от слова «знание», само это знание имело здесь своеобразное значение. Гностицизм, сложившийся в эпоху упадка античной философии, возникший в результате смещения различных религиозных и философских систем древнего мира, положил в основу своих построений знание мистическое. Согласно этому учению, такое знание приходит к избранным, к «духовным», в результате озарения свыше, в результате откровения, а не постижения реальных фактов.

Многие направления гностиков, противопоставляя духовному началу «грубую» материю, объявляли тело

темницей духа. Отсюда широко распространившееся презрение к плоти, часто принимавшее формы сурового аскетизма. Впрочем, иногда из этих же посылок возникала и другая крайность — снятие всяких этико-моральных запретов по отношению к плоти, половая разнузданность.

Учение гностиков в ряде случаев настолько слилось с христианством, что попытки отчленения его привели бы к образованию существенных брешей в самом христианском вероучении. Гностические идеи пронизали сочинения ряда первейших писателей раннего христианства, творцов христианского богословия (таких, например, как Климент Александрийский, Ориген), и многие положения и формулы гностицизма до сих пор удерживаются в Новом завете.

Тем удивительнее узнать, что в дальнейшем, во II—III вв., ортодоксальная церковь объявила гностицизм «лжеименным» учением — ересью и повела с ним ожесточенную борьбу.

Сейчас трудно восстановить все причины расхождений между ортодоксальной церковью и гностицизмом. Это были и социальные, и этико-философские, и догматические побуждения, и просто борьба за власть и господство в церкви.

Одним из существенных пунктов расхождения был, по-видимому, вопрос о природе зла, который тянул за собой ряд других вопросов вероучения. Позиция ортодоксального христианства здесь во все времена была достаточно уязвима. Если бог, как учит церковь, предвечен и он творец всего сущего, то и все несовершенства мира и зло мира, естественно, дело его рук. Как же это совмещается с теми идеальными качествами, которыми христианство наделяет своего бога?!

Логика гностических нападок оказалась довольно сильной, и на протяжении столетий шли яростные споры, в ходе которых гностики вырабатывали свои космогонические и космологические системы небес — ступеней перехода от духовного начала к низменной материи. Поскольку источником зла считалась материя, гностики утверждали, что ее и, следовательно, мир не мог создать «вышний» бог и это могло быть творением лишь богов низшего ранга. Идее христианского монотеизма, и без того плохо скроенной, таким образом наносился чувствительный удар изнутри.

Из тех же посылок относительно греховной сути материи гностики выводили, что высший бог, идеальное начало, не мог и не стал бы воплощаться в источающую зло материю — в человеческое тело. На этой основе гностики отрицали земные деяния Христа и объявляли их не действительными, а лишь кажущимися.

Борьба с гностицизмом была упорной и ожесточенной. В конце концов господствующая церковь одержала верх и, торжествуя победу, прибегла к приему, который отныне станет для нее обычным. Церковь обрушилась на сочинения гностиков. Многочисленные их писания были объявлены апокрифическими, подложными и беспощадно уничтожались. И лишь случайно уцелевшие отрывки и цитаты (а также далеко не беспристрастное изложение их учения в сочинениях их противников) давали нам некоторое представление об этом компоненте христианства.

Вот почему с таким интересом и волнением была встречена весть о хенобоскионской находке. Такого комплекса апокрифической литературы, вышедшей из недр самого христианства, но вместе с тем оппозиционной ему, ученый мир еще не знал. Да и сами обстоятельства укрытия этой библиотеки в могиле на античном кладбище подчеркивали драматизм этой борьбы и суровую правду формирования новой религии, отнюдь не принесенной с небес в готовом и совершенном виде.

3

Тринадцать кодексов (или сборников Хенобоскионской библиотеки) содержали 44 произведения, представленных в одном экземпляре, и 4 дубликата. По ряду признаков ученые датировали их IV веком нашей эры. Но рукописи эти не являются оригиналами. Это древние копии, списки. Подлинники же были созданы гораздо раньше. Их относят ко II веку нашей эры.

Значение хенобоскионской находки выясняется уже из самого характера этих книг. Здесь, наряду с другими религиозными трактатами, находились евангелия, послания, деяния, апокалипсисы, то есть те же виды произведений, которые мы находим в Новом завете. Но это были запрещенные церковью, «еретические» произведения: Евангелие Фомы, Евангелие Филиппа, Евангелие Истины, Послание Евгноста и другие. Некоторые из них были известны и ранее, но лишь по названию или в незначительных отрывках. Уже первые сличения выявили и черты сходства, и элементы различия их с новозаветными книгами. Открылась таким образом возможность конкретно изучить процесс формирования того круга христианских произведений, которые церковь назвала «Священным писанием». Открылась также возможность показать их связь (и в ряде случаев зависимость) с той раннехристианской литературой, которая в ходе ожесточенной борьбы за существование была объявлена церковью апокрифической.

Рассмотрим теперь содержание некоторых из найденных гностических произведений.

Одно из них называется Евангелием Истины. Оно интересно тем, что в нем нет цитат из так называемых «речений» Христа, цитат, которыми полны канонические евангелия и которые церковью выдаются за подлинные слова Иисуса. Евангелие Истины не содержит также и тех странных историй об Иисусе, которыми пестрит канон. Само имя центрального персонажа христианства упоминается там довольно редко: автор Евангелия Истины лишь три раза ссылается на «Иисуса», один раз упоминает «Христа» и один раз дает сочетание этих слов — «Иисус Христос». Он нигде не называет учеников Христа и его последователей.

Любопытно начало этого произведения: «Евангелие Истины адресуется тем, которые от отца Истины получили милость узнать силу Слова (Логоса)...» Оно провозглашает, что люди блуждают в темноте, совершают преступления исключительно по незнанию. Чтобы стать свободным от ошибок и прегрешений, им нужно достичь мистического гносиса. А выразителем и носителем этих (еретических с точки зрения правоверного христианства) гностических истин это Евангелие называет Иисуса Христа.

С другой стороны, некоторые идеи и сюжеты этого Евангелия оказываются общими и для признаваемых церковью христианских книг.

В Евангелии Истины большой раздел посвящен длинной и довольно темной для нас дискуссии об «имени» бога. Главный тезис евангелиста, вероятно, вводит нас в лабораторию формирования мистических представлений о двуединой, а затем и трехединой сущности христианского бога.

Другое произведение из хенобоскионских находок называется Евангелием Филиппа. Оно по форме ближе подходит к каноническим евангелиям. Здесь приводятся длинейшие цитаты из «речений» Иисуса, элементы каких-то дискуссий и т. п. Сюжетная канва во многих местах разорвана и не очень логична.

Тем не менее Евангелие Филиппа содержит чрезвычайно интересные сведения для оценки идейных движений, формировавших христианство.

Характерной чертой идейной направленности этого Евангелия является его дуализм — представления о том, что в мире существуют и соседствуют два противоположных духа. «Свет и Тьма, Добро и Зло, Правое и Левое» даны здесь в резкой контрастности. При этом неизменный идол этого движения — Гносис — приравнивается к категории Света.

Очень интересна оценка этим Евангелием мира, в котором мы живем,

а также оценка творца этого мира. Мир, говорится там, не мог быть создан справедливым и добрым богом. Мир появился как ошибка. Тот, кто создал его, намеревался создать его непогрешимым и бессмертным. Ему это не удалось, и он не достиг того, на что надеялся. Одной из ошибок творца, как можно понять, было разделение полов. Когда Ева, как там говорится, была еще в Адаме, смерти не было. Смерть пришла в результате фатальной ошибки бога — сотворения Евы.

К числу странностей этого Евангелия исследователи относят неоднократное обращение его к сексуальным сюжетам. Например, об Иисусе сказано, что он любил Марию Магдалину больше, чем своих учеников, и часто целовал ее в губы. Интерес к вопросам секса исследователи связывают с культом плодородия, широко распространенным в древнем мире. Культ этот, как известно, пронизывает весь Ветхий завет. Он был очень популярен и в начальную пору христианства.

Еще более значительным для изучения процессов формирования новозаветной литературы оказывается Евангелие Фомы. Хенобоскионское Евангелие Фомы, как выясняется при знакомстве с ним, совсем не то (тоже апокрифическое) Евангелие Фомы, или Евангелие Детства, которое известно уже издавна по сохранившимся латинской, греческой и сирийской версиям. Новое коптское евангелие ничего не говорит ни о детских годах Иисуса, ни о его деятельности. Хенобоскионское евангелие состоит из речений и притч, следующих одно за другим и не объединенных единым сюжетным стержнем. Каждое из собранных здесь «речений» начинается со слов: «Иисус сказал».

Чрезвычайно интересно, что в коптском евангелии первым среди учеников Христа оказывается не Петр, как, например, в ныне бытующем каноническом Евангелии от Матфея (16, 17—19), а Фома. Это ему, Дидиму Иуде Фоме, говорится там, Иисус дал «тайные слова». Он — носитель откровения, и ему поручено записать все то, что сказал «живой Иисус».

Обращает на себя внимание и параллелизм многих «речений» апокрифического Евангелия Фомы и соответствующих «иисусовых речений» в канонических евангелиях. Приведем несколько примеров.

В Евангелии Фомы имеется следующий абзац: «Иисус сказал: быть может, люди думают, что я пришел, чтобы бросить мир в мир, и они не знают того, что я пришел, чтобы бросить раздор на землю, огонь, меч, войну. Ведь там пять, которые будут в доме; трое будут против двух и двое против трех; отец против сына и сын против отца...»

В каноническом Евангелии от Луки эта тема всеобщего раздора выражена так: «Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух и двое против трех; отец будет против сына и сын против отца...» (12, 51—53).

Другой пример. В апокрифическом Евангелии Фомы говорится: «Иисус сказал: я бросил огонь в мир, и вот я охраню его, покуда он не разгорится». В каноническом Евангелии от Луки это звучит так: «Огонь пришел низвесть на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (12,49). Число этих примеров можно было бы значительно увеличить.

Но наряду с такими смысловыми и даже фразеологическими параллелями, Евангелие Фомы содержит группы изречений, которые либо вовсе не встречаются в новозаветной канонической литературе, либо имеют там иной акцент, иную смысловую нагрузку. Мы здесь не будем касаться тех догматических расхождений, которые, несомненно, явились одной из причин разрыва официальной церкви с некоторыми гностическими положениями. По-видимому, эти расхождения сделали Евангелие Фомы и другие произведения этого круга апокрифическими, т. е. отторгнутыми от лона церковной литературы. Но некоторые социальные аспекты здесь будет небезынтересно отметить.

В Евангелии Фомы есть сюжет, близкий сюжету канонических евангелий, — сюжет воздаяния за страдания. Там говорится о том, что страдания возместятся. Бедные получают свое, и голодные «наполнят свои желудки по своему желанию». Эта тема повторяется и в Новом завете. Но здесь социальная заостренность определений апокрифа оказывается смягченной, а то и вовсе затушеванной благочестивой редактурой. Недвусмысленный термин апокрифа «бедные» в канонических евангелиях заменяется туманным выражением «нищие духом» (Матф. 5, 3). Таким образом социальный аспект здесь подменяется религиозно-нравственным, а «страдание», имеющее в апокрифическом евангелии социальный оттенок, в каноническом отливается уже в страдание за христианскую веру (Матф., 5, 10—11; Лука 6, 22). Такое же изменение оттенков можно подметить при сравнительном анализе и других разделов.

4

Таковы в самых общих чертах некоторые из хенобоскионских рукописей. Можно привести длинный перечень других. Трактаты, диалоги, апокалипсисы, евангелия — они разрабатывают в общем те же сюжеты, что

и канонический Новый завет. Они то смыкаются с ним по некоторым вопросам, то своевольно вырываются в сторону. Мы встречаемся во множестве случаев с теми же персонажами, с теми же проблемами, со ссылками на те же авторитеты. «Иисус сказал» — это и лейтмотив, и аргумент как новозаветных произведений, так и многих сочинений хенобоскионской библиотеки.

Но в то же время эти произведения (и, разумеется, стоящие за ними силы) — антагонисты, непримиримые враждебные учения, между которыми идет смертельная борьба за влияние на христианский мир, за господство в церкви, за самое существование. Как мы уже отмечали, борьба привела к упадку гностицизма. Однако этот процесс растянулся на столетия, и хенобоскионская находка — яркое тому свидетельство: в IV веке гностические священные книги были еще в ходу.

Важные научные проблемы, возникшие в связи с открытием гностической библиотеки, побудили некоторых ученых заявить, что хенобоскионская находка — более значительное открытие, чем кумранский комплекс. Такое противопоставление едва ли правомерно. Но определить место, которое занимают эти материалы в ряду других аналогичных открытий последнего времени, по-видимому, вполне целесообразно.

Одним из самых крупных открытий последних полутора десятилетий, проливающих свет на процессы формирования христианства, является находка пещер с рукописями в районе северо-западного побережья Мертвого моря. Первая пещера была открыта весной 1947 года (по другой версии — в 1945 году). В последующие годы выявлено еще десять таких пещер. В непосредственной близости от них оказались развалины древнего поселения. При нем — обширный некрополь. Изучение всех материалов показало, что существует прямая связь между поселением и пещерами с рукописями. Перед лицом непосредственной военной опасности некая древняя общественная группа — кумранская община (укрывшаяся ранее по религиозным мотивам в этом неприветливом районе Иудейской пустыни) спрятала свои священные книги в близлежащие малоприметные и труднодоступные пещеры, где они и пролежали девятнадцать столетий.

Изучение этого огромного рукописного материала показало, что в пещерах были представлены две группы памятников. Одна из них — древние списки (копии) ветхозаветной части Библии. Хотя содержание этих манускриптов не явилось новостью, их значение трудно переоценить: найденные списки оказались более чем на тысячу лет старше самой древней руко-

писи ветхозаветных книг, сохранившейся к настоящему времени. Сличение их с каноническими редакциями выявило множество разночтений и показало, что еще на рубеже нашей эры ветхозаветная часть Библии подвергалась постоянной переработке.

Другая группа свитков из пещер содержала совершенно неизвестные произведения обитавшей некогда здесь древней еврейской религиозной общины, которую сейчас в науке принято называть кумранской. Сенсационным в этих произведениях оказалось то, что многие черты мировоззрения, социальных идеалов, этических и религиозных идей этой дохристианской общины нашли определенные аналогии в установлениях и сказаниях раннехристианских общин.

Одним из таких наиболее сенсационных элементов явились фрагменты кумранских сказаний о некоем «Учителе праведности», образ которого в некоторых отношениях оказался сопоставимым с образом евангельского Иисуса. При этом выяснилось, что кумранский персонаж примерно на столетие старше евангельского. Объяснение всему этому вырисовывалось само собой: кумранские установления и кумранская литература были одним из существенных источников, откуда формировавшееся христианство черпало многие идеи и сюжеты.

Дальнейшее изучение кумранских рукописей и сравнение их с новозаветными произведениями обнаружило множество и других параллелей. Например, проблема добра и зла в мире и пребывающего на распутье человека — это предмет раздумий и кумранской общины, и раннехристианских общин. Идея конечного мистического сражения «воинства света» и «воинства тьмы» и утверждения, в результате этого, царства божьей справедливости (первоначально такое царство ожидается на земле и лишь потом его переносят на небеса) — все эти чаяния присущи и кумранской, и раннехристианской общинам. Оценка человека как сосуда греха — тривиальная фраза и кумранских рукописей, и новозаветных произведений.

В кумранских свитках неоднократно выражается отрицательное отношение к стяжательству и богатству. Аналогичные черты встречаются и в некоторых разделах Нового завета. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, — говорится в Евангелии от Матфея, — нежели богатому войти в царство божие» (19, 24).

В кумранском уставе содержатся рекомендации не отвечать злом на зло, а противопоставлять ему смирение. Такие же мотивы и в Евангелии от Матфея: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (5, 39).

Исследователи находят ряд терми-

нологических и фразеологических совпадений кумранских и новозаветных произведений. Например, термины «новый завет», «сыны света», «сыны тьмы», «малые», «немудрствующие», «нищие духом» и другие аналогичные выражения встречаются и здесь и там. В литературе приводятся многие десятки и даже сотни примеров такого рода параллелизмов, свидетельствующих о том, что христианство в самом начале своего пути немало почерпнуло из кумранского источника.

Таким образом, кумранские свитки проливают новый свет на истоки христианства. Они соседствуют с этими истоками и хронологически, и территориально. И этим определяется их место и их значение в истории новейших открытий в этой области.

К числу других открытий, представляющих собой как бы следующий хронологический этап, относятся списки древнейших редакций Нового завета, благодаря которым удалось показать, что нынешняя церковная редакция (например, та, которая принята и сейчас русской православной церковью) изобилует множеством позднейших вставок, изменений и произвольных исправлений и весьма сильно расходится с древнейшими списками. А между тем теологи и поныне заверяют, что церковь хранит священное писание «в целости и неповрежденности» (см. журнал Московской Патриархии, 1960, № 9, стр. 42).

Важные находки этого рода сделаны еще в прошлом столетии, когда были открыты Ватиканский и Синайский кодексы. Эти собрания новозаветных произведений датируются серединой IV века нашей эры, и таким образом ученые получили для сличения довольно древние списки.

В XX веке коллекции таких материалов продолжали пополняться. При этом нашлись фрагменты списков еще более древних. Так, найденные в 1930 году папирусы Честер-Битти содержали древнейший текст посланий Павла, датируемый первой половиной III века нашей эры. В 1956 году был опубликован папирус Бодмер II, представлявший собой список половины Евангелия Иоанна, сделанный тоже в первой половине III века. Другой папирус, из библиотеки Райлендса, найденный еще в 20-х годах, но долго остававшийся в неизвестности, содержал отрывки списка Евангелия Иоанна, сделанного в середине или даже в 30-х годах II века нашей эры. В руки исследователей стали поступать все

более древние материалы, открывающие некоторые новые возможности для оценки времени написания отдельных произведений Нового завета, процесса их включения в канон и других вопросов.

Наконец, описанная выше хенобоскионская находка явила миру удивительный комплекс священных книг некоторых оппозиционных течений христианства, открывающий новые возможности для их сравнительного изучения.

Таковы три существенные вехи в истории открытий последних десятилетий.

5

Работа над хенобоскионскими рукописями только начинается. Некоторые из них уже обработаны и изданы. Другие — нет. Но уже вполне очевиден тот исключительный научный интерес, который заключен в этих гностических кодексах. Представляют они интерес и для каждого любознательного человека. Всматриваясь в новые материалы, нельзя не заметить, что по некоторым вопросам новозаветные книги прямо перекликаются с гностическими евангелиями из Египта. А между тем господствующая церковь отторгла их от себя. Почему?

Вдумчивый читатель заметит, что сами ранние христиане по-разному оценивали и личность Христа, и нравственные предписания христианства, и его социальные идеалы, и его религиозные идеи. Чем же новозаветные предписания и оценки «священное» тех, которые содержатся во вновь открытых и запретных евангелиях?

Наконец, можно ли говорить об уникальности и божественном происхождении так называемого «священного писания», если в первые века христианства имелись, по-видимому, сотни подобных книг, сочинявшихся в ходе борьбы различными враждовавшими между собой деятелями раннего христианства. Ведь только одни хенобоскионские открытия доставили нам четыре десятка таких произведений!

Эти и многие другие вопросы, возникающие при знакомстве с находками в Верхнем Египте, не могут не вызвать раздумий.

Всматриваясь в черты прошлого христианской религии, мы начинаем лучше понимать несостоятельность многих ее нынешних утверждений и претензий.

М. Кубланов